

К Н И Г А

Моск. новости. - 1999. - 17 авг. - с. 16.

Самуил Киссин
(Муни). Легкое бремя.
М. «Август». 1999.

Неглубокий след

Любители поэзии давно имеют представление о Муни, о Самуиле Викторовиче Киссине (1885 — 1916), избравшем литературный псевдоним, напоминающий и уменьшительное еврейское имя, и усеченное имя Будды. Наше знание основывается на очерке «Муни», вошедшем в знаменитую книгу Владислава Ходасевича «Некрополь». Но вот изда ны собственные произведения незаурядного поэта, и очерк Ходасевича стал к ним предисловием. Владислав Фелицианович, нежно любивший Муни и проводивший в разговорах с ним дни и ночи, произнес роковые слова: «След, им оставленный в жизни, как и в литературе, неглубок». Но, по-видимому, этот неглубокий след резок и не может стереться...

Собрание стихов Муни дополнено афоризмами, выдержками из записной книжки, трагедией, повестями, рецензией на Ходасевича и Ахматову. Вошла сюда и переписка с Ходасевичем — поистине драгоценная. Муни занял такое место в жизни и творчестве своего великого друга, что, кажется, все перечисленное могло бы быть включено в том самого Ходасевича. Однако Самуил Викторович при жизни говорил с Владиславом Фелициановичем на равных. На глазах Ходасевича прошла вся эта недолгая жизнь: первые литературные опыты, вращение в орбите Брюсова, женитьба на сестре мэтра, рождение больной дочери, беспросветная поденщина, литературная борьба с футуристами, соперничество с Ходасевичем в любви и творчестве, мировая война и служба на эвакупункте, стихотворение «Самостоятельная», предсмертная записка и — выстрел в висок... Ходасевич, болевший где-то далеко и не отвечавший на письма, всегда считал себя виновным в этой гибели. Не с чувства ли вины начался мощный взлет его лирики?

В каждом слове Муни столько родного и близкого Ходасевичу. Есть и прямые обоюдные заимствования тем,

С.В. Киссин,
1915 год.
Архив
Киссиных

интонаций, даже строчек, но это — не кража, а переключка. И главное — все решает сила характера, а воплотиться удалось Ходасевичу. От Муни остаются счастливые строки: «Шмеля медовый голос...» Или о Балтрушайтисе: «Блажен, кто зрел улыбку уст, Что навсегда сурово сжаты. О, Юргис, Юргис, дикий куст Без шелеста и аромата».

В литературе бессмысленны заявки на приоритет и патенты на изобретения. К примеру: Николай Олейников слышит учеником Заболоцкого, а ведь «Тараканы» написаны раньше «Столбцов»... Муни во многом был учителем, наставником Ходасевича, но рука последнего была тверже. Посылая В.Ф. свой перевод (или оригинальное стихотворение, выдаваемое за перевод с польского), С.В. писал: «Если исправил, буду благодарен». И я не согласен с комментатором Инной Андреевой, что Ходасевич, собравший посмертный сборник друга, некоторые стихи ухудшил своевольной и архаизирующей лексикой редактурой. Несомненно — улучшил. Но сделал их своими!.. И потому правильно восстановлен авторский вариант, но справедливо и сохранение правки Ходасевича в примечаниях.

Памяти С.В. Киссина посвящен сборник Ходасевича «Путем зерна»... Через одиннадцать лет после смерти Муни Ходасевич в парижском изгнании написал поразительные стихи, пронизанные жалостью к друзьям «погибших лет» и одновременно безжалостные. Это слова поэта, который «заброшен в новый век», вдруг ощутил свое бессмертие и прощается со смертным.

Частица бессмертия дарована и Муни именно потому, что твердо стоят на высоких полках книги Ходасевича, которых рано ушедшему увидеть не удалось, — «Путем зерна», «Тяжелая лира», «Европейская ночь».

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ